

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА

СКВОЗЬ СУМРАК ВРЕМЁН...

ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ УТРАТ...

Анатолий Аврутин — один из тех художников слова, кто осваивает трагическое пространство родной истории, преодолевая нестерпимую боль, от которой пока что не придумали средства.

Вот стихотворение Аврутина, особенно характерное для его творчества и проникнутое “аврутинской” исторической безысходностью:

*Не со щитом, так хоть на щит...
Средь росной рани
О чём там иволга кричит
На поле брани?*

*Неужто вовсе ни о чём,
Как на погосте?
Где тот, кто шёл сюда с мечом? —
Истлели кости.*

*Хоть сечь опять сменяет сечь,
Но с нами Боже!
Где тот, что только точит меч? —
Истлеет тоже.*

*А следом — новая напасть,
Жить не успеешь...
Вон тот родился, чтоб напасть, —
Расти... Истлеешь...*

*Опять идут за татью тать,
Гремя в тумане,
И нету времени вспахать
То поле брани.*

*Не всякий павший — знаменит...
У раздорожья
О чём там иволга кричит? —
Так птичка ж Божья...*

Родная для Аврутина Беларусь особенно пострадала во время Второй мировой войны и стала в прямом смысле “полем брани”. “Только утраты, утраты, утраты — целая вечность утрат”, — констатирует Анатолий Аврутин, характеризуя двадцатый век.

Эти утраты и страдания людей конкретизированы в стихотворении “Грушевка”, где солдатские вдовы “смывали с одёжки войну”, стирая “обноски ребячьи // Да мелкое что-то своё”, и лишь одна из женщин — счастливица — “рубашку мужскую // В тугую крутила спираль”. Такова печальная бытовая статистика послевоенных лет. Сапожник, себе в ущерб, бесплатно чинит мужскую обувь, “...если редкий клиент // На верстак его старый // Ставил пахнувший порохом грубый башмак // Иль кирзовый сапог, не имеющий пары” (“В сорок пятом сапожнику трудно жилось...”). Вот, с лагерным номером на руке, “курит женщина, слёзы прячет” (“Курит женщина в коридоре...”).

Драматическая линия излома иногда проходит внутри одной семьи. Отец (“Служил у белых... Умница... Хирург...”), так и не смирившийся с советским названием Ленинграда, в 41-м году гибнет “за Петербург”, сражаясь в отряде народного ополчения. Его сын (очевидно, блокадный ребёнок), доживший до сегодняшних дней, не признаёт новых реалий “...и Ленинградом Петербург зовёт — // Не говорите с ним о Петербурге!” Но разве кого-то из них — отца или сына — мы можем назвать неправым?!

*Так и текут — мир этот в мир иной —
Одна печаль, но разные дороги.
И чудятся над вздыбленной Невой
Два города... Два мира... Две тревоги...*

Да возможно ли и самому поэту разорваться между прошлым и настоящим? Ведь и он родился в той стране, которой сейчас уже нет: “В двадцатом столетии осталась страна, // Меня снарядившая в эту дорогу”.

Стихи Аврутина, посвящённые детству и юности, проникнуты особым чувством невозвратного счастья. И это не просто ностальгия по прошлому, по бесшабашной, полной сил молодости. Это печаль по уникальному времени, которое никогда не вернётся.

Анатолий Аврутин родился в 1948 году и принадлежит к поколению, которое можно назвать “детьми победителей”. Несмотря на скудость быта, послевоенная атмосфера в СССР была наполнена оптимизмом и верой в светлое будущее. Страна, обескровленная войной, постепенно приходила в себя, и казалось, что каждый день приносит что-то новое и улучшает жизнь.

“Какая мостовая — а по ней // Какой же чудо-обруч гонит Юрка!”. Пусть не у тебя, а пока только у соседей, но всё же появляются новшества техники. Например, телефон. И патефон. “Его за ручку можно покрутить — // Тебе дадут, ты ночью в сад не лазил...” Любимое обиталище подростков — уютная товарная станция, “где души светлели от копоти чёрной // Под старую башнею водонапорной”.

А вот годы молодости. “Порою — по три дня ни хлеба и ни денег”, зато на книжном базаре можно купить “запрещённых” авторов. И снова — каждый день влекущая новизна: “Уже в ходу Бальмонт... Ещё не издан Ганин...”

И пусть молодой поэт — пока лишь деповский рабочий в промасленной телогрейке. Зато за тяжёлой работой он мечтает о том дне, “...когда придёт ответ в расцвеченном конверте, // Что вдруг твои стихи отобраны в печать...” Какие там цены на колбасу?! “Чудесная пора... Газета — две копейки, // А за копейку даст напиток автомат”.

Но где же сегодня заветный переулочек детства — место лучезарных надежд и крылатых мечтаний? Он погиб вместе с эпохой, которую вынес на своих плечах:

*Где дом мой? Картаво проносят вороны
Сквозь бывший чердак свой кортеж похоронный.
Неужто же век, что так злобен и гулок,
Задул, как свечу, мой родной переулочек?*

Если патефоны, примусы и корыта естественным образом уходят в прошлое, повинуйся техническому прогрессу, то безвременно утраченные чело-

веческие жизни – жизни друзей и ровесников – безусловно на совести “злого и гулкого века”:

*Всё слыло... Всё в Лету бесплотную слыло —
И Толик Харламов... И Пашка Сабилло...*

Негодились на постсоветском рыночном пространстве и друзья-писатели – бессребреники, “слепцы и поэты”, наивно мечтавшие о том, что “скоро – первая книга, // Наверно, пойдёт нарасхват...”. Умеющие дружить, но лишённые привычки бороться за место под солнцем, они тоже погасли, как свечи на ветру эпохи:

*Не толкались друзья мои —
Истово, злобно, без толку.
И ушли, не простившись, —
Негромкие слуги пера...*

Анатолий Аврутин не вершит своего суда над историей, не зачитывает приговоров тем или иным политикам – он лишь заставляет нас задуматься над происходящим. И всё же многие его строки звучат как горький упрек в несправедности содеянного. В сердце поэта нет радужных надежд, и лишь стоицизм ещё ведёт его по жизни:

*В двадцатом столетии... Горе уму,
Когда этот ум существует для горя,
Впотьмах приближая вселенскую тьму
И вторя вселенскому ужасу, вторя.
Так дай же мне руку!.. Спокойней вдвоём
Под суетным, дерзостным небом Отчизны.
Мы вместе пришли сюда, вместе уйдём,
И в сердце ни горечи, ни укоризны.*

...ОТЗОВЁТСЯ ТОСКА МИРОВАЯ

Анатолий Аврутин – поэт, необычайно остро ощущающий быстротечность жизни, краткость земного бытия, бессилие и одиночество человека перед лицом вечности. Эта философская составляющая усиливает и без того невесёлый социальный мотив его стихов, ставя человеческое бытие на грань трагедийности.

*Один среди вселенской воли,
Не зная, прав я иль не прав,
Я всё стоял в холодном поле
И плакал времени в рукав.*

*Скорбел, что так оно промчалось,
Что юность — где она, лови...
И что-то вещее звучало
В моей измученной крови.*

*И это тихое звучанье
Соединяло в миг сквозной
И быль, и небыль, и роптанье,
И тьму за жёлтой пеленой...*

Соединяя “в миг сквозной” остроту одиночества (“Стою один... Не понятый никак”, “И вдруг станет ещё одиноче // От того, что гульба вдаль”, “Каждый – в своём одиночестве”) с брэнностью жизни (“Мы пришли и уйдём... // И от нас ничего не останется”, “О, эта жизни быстротечность, // Где вечность жаждет тишины”, “Сосёнка шумит над обрывом, // А корни подмыло уже...”, “Свет остановится в бледных очах, — // Значит, так надо...”),

Аврутин не раз подчёркивает, что такова же и печальная юдоль русского поэта:

*Писать стихи, пить водку, верить в Бога...
И Родиной измученной болеть...
Одна поэту русскому дорога —
Чуток сверкнуть и рано отгореть.*

*А отгоришь, не понят и не признан,
Останутся худые башмаки,
Пустой стакан, забытая Отчизна,
Божественность нечитанной строки...*

Невостребованность высоких помыслов, прозаичность жизни и приземлённость мечтаний, ставшие нормой человеческого существования, ранят поэта больше, чем “худые башмаки”, чем “в кармане дыра, и в убогой котомке — дырища”.

Есть у Аврутина стихотворение “И солнце в зените. И, радостный, я...” — о некогда модной песне “Гренада”:

*Все знали, конечно, что автор — Светлов.
И столько там было родного,
Что стало родным, как “Отчизна” и “кров”,
Чужое испанское слово.*

Бесхитростная история светловской “Гренады” — о том, как во время гражданской войны простой украинский парнишка покидает хату и уходит сражаться, “чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать”. Юный красноармеец гибнет (“отряд не заметил потери бойца”) не за свой земляной намер, не за собственное корыто, а за далёкую “Гренадскую волость” в Испании, которую он всего лишь “в книжке нашёл”. Вот уровень притязаний, вот мера бескорыстия и возвышенности задач, достойные человека!

Аврутин подчёркивает, что гибель безвестного мечтателя не оказывается напрасной: ведь “землю — в Гренаде! — крестьянам отдать // Давно, между прочим, успели” (поэт имеет в виду, что в Испании прочно утвердились элементы социализма). А русские ребята снова идут в бой, но уже не знают — за что и за кого?

*И снова на бархат похожий закат
В слезинках кровавых отметин.
И снова бесцельно дерётся отряд,
Потери бойца не заметив.
Но больше не вторят родные края:
“Гренада, Гренада, Гренада моя...”*

“Новые песни придумала жизнь. Не надо, ребята, о песне тужить!” — уверял Светлов. Не знал он, какие песни “придумает жизнь”. Корпоративный мажор, буржуазный гламур — вот что сегодня горланит “молодость мира”.

Хороша или плоха была страна, объединявшая шестую часть суши, но она подвигала человека на грандиозные задачи, на дерзновенный полёт мечты, на безудержную смелость замыслов. Отбери у человека такую возможность — и его существование становится бессмысленным. Вот отчего у Аврутина “... бесцельная жизнь остаётся единственной целью”; “... нам нечего сказать, нам некого беречь — // Последняя звезда сгорела в травостое”.

“Только грохни ведром — отзовётся тоска мировая...” Эта мировая тоска по возвышенному смыслу жизни и связанное с ней ощущение бесцельности пути в поэзии Аврутина часто выступают как образ темноты или тьмы (“извечной тьмы”, вселенской тьмы): “Опять недолог день... // Бредёшь меж тьмы и тьмы...”, “Вновь темнеет... Резко... Скоро...”, “... Тёмен полдень, тёмен день. И живёшь черне...”, “Тьма во тьму переходит, что хуже всего...”, “Не темноту презрев, но тьму, // Напрасно вглядываюсь в полночь...”, “Ты всё бродишь по свету, не зная, что кончился свет...”

*О, дайте свет! Пусть тусклый, пусть неверный,
Тот, что едва маячит вдалеке...*

Свет – противоположность тьмы – олицетворение смысла жизни и надежд на будущее. “Дайте свет!.. Хоть бы капельку света, // Хоть бы тихую строчку, // Чтоб громко воскликнуть: “Живём!” – закликает поэт. “Только б видеть и видеть, // А всё остальное – не в счёт”.

Свет нужен “забытому народу”, тому “смурному мужичонке”, который не только “с полочки ночует в бурьяне”, но и “...ловок // Венец за венцом возводит колокольню”. Он терпеливо вынесет физическую боль, но с укоризной пожалуется на боль душевную: “Кто заступник народный?.. // Чего он опять не идёт?..”

И всё же бывают восхитительные минуты, когда свет открывается взору поэта. “Но какой горизонт! // Но какой горизонт просветлённый!”

*И опять на песке блики белого-белого света,
И опять золотая небесно-невинная даль.
И светает в груди... И душа по-над бранным воздета,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль.*

В такие мгновения невольно рождается мысль о том, что “тьма – предвестье будущего света”, и надежда на спасение неразрывна с судьбой Родины:

*Россия... Родина... Рябина...
Распятье... Реченька... Роса...
О, как светло и не картинно
Парят над лугом голоса!*

*Парят... Схлестнулись в этом пенье,
Как в тёплой капельке со лба,
Судьба... Смятение... Спасенье...
Строка... Спасение... Судьба...*

Продолжая лучшие традиции русской лирики, Анатолий Аврутин прочно утвердил в поэзии свой голос, свою интонацию.

Ему выпала не самая лёгкая задача – пронести классическую лиру “сквозь сумрак времён”, быть провидцем и стойком в чуждой ему по духу стихии. Но рукописи не горят, и жизнь не окончена...